

СТРАШИЛКИ

Не читайте
черную тетрадь!

Эдуард Веркин

Эдуард Веркин

Не читайте черную тетрадь!

«ЭКСМО»

2006

Веркин Э. Н.

Не читайте черную тетрадь! / Э. Н. Веркин — «Эксмо», 2006

Холодея от ужаса, ступают по темным подземным коридорам Валя и ее друзья. Несколько дней назад девочка подзадорила одноклассника Володьку «на слабо» переночевать в этом подземелье, где, по слухам, поселился призрак, – и с тех пор о Володьке ни слуху ни духу. Неужели осталось лишь горько раскаиваться? Или все-таки Володьку еще можно спасти? Но как? Ведь все знают, что из этого ужасного подвала еще никто и никогда не возвращался... Ребята продолжают свой опасный поход. И вот перед ними возникает ухмыляющийся череп, а затем стрелка, указывающая путь в неведомое...

© Веркин Э. Н., 2006

© Эксмо, 2006

Содержание

Первый вечер	5
Второй вечер	12
Третий вечер	17
Четвертый вечер	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Эдуард Веркин

Пятно кровавой луны

Первый вечер

Тайваньские часы Корзуна пропищали одиннадцать ночи, и пришло время рассказывать Малине. Малина прокашлялся, выдержал паузу и затянул зловещим голосом:

– Однажды, еще во время войны с немцами, один наш отряд отбился от своих. Сначала они пробирались через лес, дня два пробирались, а лес все не кончался. А потом вдруг вышли в поле. Поле было огромное и все засеянное пшеницей, а посреди поля стояла...

– Это что, опять про белую церковь, что ли? – насмешливо спросил из соседнего гамака Боров. – Так ты нам это уже два раза рассказывал. Белая церковь с черными куполами. Слышали...

– Ну, больше не знаю, – разозлился Малина. – Я все истории рассказал. Больше ни одной не помню... Ты, Боров, сам рассказывай...

Боров промолчал. В тряпичное палаточное окошко виднелся кусок реки, высокий берег, а на берегу старый монастырь с высоченной сахарной колокольной. В первый день Малина со своей белой церковью сильно всех напугал, особенно Борева. Всякий раз, когда Боров просыпался, он видел в окошке эту самую белую церковь. С черными куполами. Конечно, на самом деле эти купола были медными, но от времени медь почернела, и теперь купола казались черными и зловещими. Боров, чтобы отогнать зло, прикусывал язык и потихоньку сплевывал на пол. Но сейчас белая церковь уже почти не пугала. Малина зевнул и сказал:

– Это история про гроб на колесиках...

– Хватит, Малина, – перебил Боров. – Мы не в детском саду. К тому же мы договорились – никаких гробов с колесиками, никаких красных рук. И чтобы бантиков в котлетах тоже не было! Только по-настоящему страшные истории...

– Да по-настоящему страшных историй уже нет, – огрызнулся Малина. – Все они уже рассказаны. И даже записаны. Даже книжки такие выпускают...

– Да там тоже ничего страшного не пишут, – вмешался Корзун. – Все одно и то же. Скелеты какие-то дурацкие, какие-то чурбаны с прищепками... У меня брат, ему восемь лет, кстати, от такого уже не пугается, а только смеется. Даже он такие книжки не читает...

– Вот я и говорю, – сказал Малина. – Нет настоящих страшных историй. Их уже все придумали и рассказали...

– А пусть новенький рассказывает, – предложил неожиданно Корзун.

Новенький появился два дня назад. Он был низеньким худым парнем, таким худым, что было даже трудно определить, сколько ему лет. Борову, например, казалось, что ему лет десять, не больше. За два вечера, что новенький провел в палатке, он не сказал ни слова, так что Корзун всем рассказывал, что новенький немой. И даже придумал новенькому кличку – Муму. Вообще-то Корзун собирался дать новенькому в рог, так, в профилактических целях, но пока почему-то этого не делал. Что-то было в новеньком такое, что настораживало и не позволяло сразу дать в рог. А теперь вот Корзун повторил:

– Пусть рассказывает. Мы все рассказывали, а он что? Давай.

Боров повернулся на бок и стал прислушиваться. Корзун не вытерпит и все-таки даст ему в рог, подумал он. Но внезапно новенький ответил:

– Хорошо. – Голос у него оказался неожиданно глухой. – Хорошо, я расскажу. Только это длинная история, в один день не уместится.

– Лады, – сказал Корзун. – Нам здесь все равно еще две недели торчать. Рассказывай.

– И еще. – Новенький сел в гамаке. – Это не сказка, это настоящая история. Она на самом деле случилась в нашем городе.

– Ну, конечно, – подмигнул всем Корзун. – Охотно верим. Такие истории как раз всегда случаются в вашем городе...

– Это вроде повести, – сказал новенький. – Ее написала одна девочка. Я буду ее читать.

– Читай-читай, – хмыкнул Малина. – Я люблю, когда читают...

– Но только одно условие, – сказал новенький.

– Какое это? – насторожился Корзун.

– Вы должны прослушать историю до конца.

– А что будет в конце? – спросил Боров.

– Не знаю, – сказал новенький. – С некоторыми только бывает. И то по-разному...

Стало тихо. За рекой завывала какая-то птица, Боров вздрогнул: кто-то ему говорил, что так кричит по ночам козодой, предвещающий смерть. Все молчали, даже Корзун.

– Что бывает? – спросил Малина.

– Нехорошее, – сказал новенький.

Парни грохнули. Громче всех смеялся Корзун.

– Нехорошее, говоришь? – хихикал Корзун. – Это нам как раз то, что нужно. Лучше уж твое нехорошее, чем тоска эта зеленая. Каждый день эти игры дурацкие...

– А я вообще бессмертен, – заявил Малина. – Почти. Мне не страшно. Мне цыганка нагадала, что я буду восемьдесят лет жить. Мне еще долго осталось... К тому же все нехорошее со мной уже произошло.

– Ну, так что, рассказывать? – снова спросил новенький.

– Валяй, – кивнул Корзун.

Новенький вылез из гамака, вытащил из своей тумбочки толстую черную тетрадь и начал читать.

«В самом конце октября, вечером, темным и дождливым, мы сидели в небольшой комнате древней пятиэтажки. Я, Жук и Дэн.

– Ну и что? – спросил меня Дэн.

Дэн, это потому что Денис. Но Денис слишком длинно. Дэн и короче, и красивее. И современно. По-другому его никто и не называет. Да и похож он на Дэна. Его даже мама так зовет: «Дэн, слетай за хлебом, а?»

– Не нашли, – вздохнула я.

Меня зовут Валя, и я не люблю, когда меня называют как-то по-другому. Особенно не люблю, когда зовут Валькой, Валухой, Валентой. Лучше и не пытайтесь. Потому что я уже второй год хожу на рукопашный бой, отжимаюсь сто раз просто и шестьдесят раз на кулаках и, если что, могу и приложить запросто. Вон, Дэн попробовал Валихой меня назвать, так два дня к носу лед прикладывал. Да, сразу расскажу, чтобы потом понятно было. Почему я пошла на рукопашку. Не потому, что я некрасивая, или толстая, или там еще чего, комплексов со внешностью у меня никаких. Не потому. У меня другая проблема. Я ничего не слышу. Пять лет назад у меня случился грипп, а после гриппа начались серьезные осложнения, и из-за этих осложнений что-то там произошло с моими ушами. С какими-то там наковальнями и молоточками, они воспалились, и все – тишина. Я лечилась довольно долго, два года, но так и не вылечилась. Зато за эти два года я научилась здорово читать по губам, улавливать колебания воздуха и вибрацию предметов, так что особых проблем с окружающим миром у меня нет. Ориентируюсь я вполне свободно.

А читать по губам вообще забавно – люди беззвучно открывают рты, как рыбы, ты их не слышишь, но понимаешь. Весело.

Впрочем, кое-какие звуки я слышу, например, звон бьющегося стекла. Врачи говорят, что такие звуки, высокие, некоторые люди воспринимают не ушами, а сразу на особые кости в голове или даже на зубы. И поэтому я, например, слышу звонок в школе или удар гонга в своей рукопашной секции.

Смех я тоже слышу. Когда рядом кто-то смеется, от него исходят вполне определенные колебания воздуха, смех ни с чем не спутаешь. Тут возникает интересный эффект – если кто-нибудь смеется достаточно далеко, то я сначала вижу, как он смеется, и лишь потом до меня доходят эти самые воздушные колебания. С запозданием. Как будто говоришь по телефону с Америкой.

Ну и вибрация. Если ко мне кто-нибудь приближается со спины, я ощущаю его шагов за десять, не меньше.

А то, что я не слышу, я допридумываю, я ведь не всегда была глухая. Я знаю, что двери скрипят, рассыпающиеся монеты звенят, вода журчит, кошка, если ей на хвост наступить, орет и так далее. Поэтому, если я вижу дверь, я сразу воспроизвожу в голове ее скрип. И таким образом тоже слышу.

Кстати, слово «глухая» я очень не люблю. «Плохо слышащая» мне тоже не нравится. Я вообще не знаю, как нормально описать мое состояние. Сама про себя я говорю «тихая». А друзья уже привыкли, что я читаю по губам, и всегда беседуют, повернувшись ко мне лицом. Друзья у меня воспитанные.

Так вот, именно из-за своего слуха я и пошла в секцию рукопашного боя и научилась, как правильно вывести из строя противника весом до шестидесяти килограмм. Больше мне пока не удастся, потому что я сама еще маленькая.

Итак, я «тихая». В этом есть и некоторые преимущества – не слышишь целую кучу разной ерунды, которую говорят вокруг и по радио. С телевизором, правда, тоже проблема – не все передачи я могу нормально смотреть, многого просто не понимаю. Особенно зарубежные фильмы не понимаю, только если с субтитрами идут, тогда ничего. Зато я книжек много читаю. Я прочитала уже почти всю нашу домашнюю библиотеку, кроме совсем уж взрослых книжек. Из-за того, что я много читаю, я хорошо учусь...

Но я увлеклась, все о себе да о себе, а мне еще надо много чего рассказать.

– Плохо. – Жук почесал ногу, хотя чесаться ему совсем не хотелось, это же было видно. – Плохо. Мне тут сон приснился...

Жук стал Жуком уже давно, с детского сада. Низенький, сам круглый и плотный, голова тоже круглая, на жука и в самом деле похож. Но прозвали из-за другого – в старшей группе детсада Жук на Новый год нарядился мушкетером и нарисовал себе гуталином усы. Как у настоящего жука-носорога получилось. Так и стали звать, все привыкли, а потом и Жук привык. Иногда еще Жучилой называют, но это редко. А как его зовут по-настоящему, уже никто и не помнит.

– Собаку сегодня запускали, – сказала я. – Пять часов искали.

– Ну? – спросили Жук с Дэном одновременно и переглянулись, решая, загадывать желание или нет. Дураки, так желания все равно не исполняются.

– Баранки гну. – Я показала им язык. – Не нашли. Милиция считает, что в записке он неправду написал. Что он не в школу пошел, а просто из дому сбежал. У него ведь отец сами знаете какой. Я сама слышала, один милиционер сказал другому, что будто бы Вовка сбежал на юг и его надо искать на поездах...

– На каких поездах! – возмутился Жук. – Вот дураки-то! Он в школу ушел...

– Это мы знаем, что он в школу ушел, а милиция думает, что на юг сбежал! И мама его считает, что он на юг убежал.

– И что делать? – Дэн хрустнул суставами, он научился этому неделю назад и теперь хрустел при каждом удобном случае, такая гадкая привычка, должна вам сказать. Я лично, когда

слышу, как кто-то хрустит суставами, всегда вспоминаю про Ивана Грозного, он, я читала, тоже любил суставами похрустеть.

– И что делать? – повторил Дэн.

Я не знала, что делать, я пожала плечами и прикусила губу.

Мы сидели в комнате Дэна уже третий час, скучно пили вишневую колу и думали, что нам предпринять. Я в промежутках между колой жевала бутерброды, Дэн кусал воротник, а Жук вот ногу чесал. Думать, что нам делать дальше, было страшно, поэтому мы и не спешили и думали медленно. Хотя, наверное, надо было спешить. Иногда в комнату заглядывала мама Дэна и спрашивала, не надо ли нам чего-нибудь. Мороженого? Чипсов? Мороженого и чипсов не хотелось. Нет, Жук не отказался бы от чипсов, но одному ему было их стеснительно жевать. Разговаривали мы почему-то шепотом. Нет, я этого не слышала, конечно, но видела. И сама тоже шепотом разговаривала.

– Зря мы это все, – сказал Дэн. – Зря мы с ним поспорили. Никто ведь не считал его трусом, да?

– Нет, конечно, – сразу же сказала я. – Я совсем не считала.

Это было немного неправдой.

– Ну, если только чуть-чуть... – начал Жук, но я сразу на него свирепо посмотрела, и Жук замолчал и снова стал чесать ногу.

– Не считала, а сама ему и говоришь: «Слабо тебе в подвале переночевать?» – сказал Дэн. – Ты виновата.

Я и в самом деле была виновата, поэтому я ничего не ответила и отвернулась, стала смотреть на аквариум. Тогда Дэн встал из-за стола и стал кормить рыбок. А Жук стал обчесывать ногу с другой стороны, он делал это чересчур старательно, опасаясь вмешиваться в спор, чтобы не попало ни от меня, ни от Дэна. Жук по природе миролюбив, хотя и походит здорово на хулигана. Правда, иногда и на него накатывает, а на кого, скажите, не накатывает?

Вообще-то мы дружим уже давно, почти с детского сада. У нас получается, как у трех мушкетеров: Дэн – Атос, Жук – Портос, Володька – Арамис, а я вроде как Д'Артаньян. А теперь вот наша четверка неожиданно распалась.

Дэн накормил рыбок и сразу успокоился.

– А Петрушка когда... ну, это? – сказал он, устанавливая перемирие. – Сами знаете что.

– Год назад... – Я сразу же с его перемирием согласилась, не время нам ссориться. – Как раз год назад. Из-за этого-то все и началось, я ему говорю, в школе привидение Петрушки живет, он как раз год назад... ну, это... помер... А Вовка мне говорит, никаких привидений не бывает. А я ему говорю, как не бывает, бывает. Многие слышали, оно воет по ночам. А он мне говорит...

Я сама не очень-то в привидения верю, просто понесло тогда, что теперь поделаешь? Бывает. Со мной тоже бывает. Начнешь спорить и споришь, споришь, иногда даже забудешь, из-за чего споришь, а все равно споришь. Как пишут в книжках, «таков человек».

– А он мне говорит... – громко шептала я.

– Давай помедленнее, – сказал Жук. – А то я ничего не понимаю.

– Ладно-ладно, помедленнее. – Я продолжила: – А Володька мне говорит – это не Петрушка воет, это ветер в трубах воет. А я ему – никакой это не ветер... А он рассмеялся и чуть меня душой не назвал. Я и сказала: если там никого нет, слабо тебе ночь в подвале просидеть? А он говорит: не слабо. Только если я посижу, ты мне свой пейджер подаришь. А мне что, мне на день рождения мобильник обещались купить... Хорошо, говорю, тогда, если там нет никакого привидения, ты мне будешь целый год в магазин ходить. Ну и поспорили.

Вот и поспорили, а я теперь мучаюсь угрызениями совести...

– Вот так и поспорили... – протянул Дэн. – А записка?

– А. – Я махнула рукой. – Это на всякий случай. Вовка придумал. Напишу, говорит, записку – «В моем исчезновении прошу никого не винить. Иду в подвал в гости к Петрушке». Написал и сунул в книгу.

– В какую? – спросил Жук. – В какую книгу?

– Да какая разница, в какую книгу! – громко сказала я, крикнуть бы, но чего родителей волновать. – В зеленую. Вот все тебе надо знать...

– Да я так... – Жук сделал примирительное движение. – Я просто...

– В «Приключения капитана Врунгеля», если это так важно...

– Ладно, – сказал Дэн. – Вовка, он сам тоже виноват. Никто его туда не тащил, сам поперся. Сам виноват. Вернее, никто не виноват... Но надо что-то делать...

Я стала внимательно изучать рыбок, а Жук вернулся к своей ноге. Правда, он забыл, что раньше чесал левую, и стал чесать правую. Дэн стучал ногтями по крышке стола.

– Да что ты там все чешешься? – Я не вытерпела и ткнула Жука локтем в бок. – Клещ там в тебе, что ли?

– Да не, – покраснел Жук. – Это... нервное это. Мне сон приснился....

– Надо идти, – решительно сказал Дэн. – Тут по-другому никак нельзя.

И он стукнул ногтями особенно решительно, так что даже рыбки в аквариуме подскочили и булькнули. А мы все вздрогнули.

– Куда идти? – промямлил Жук.

– Жук, не прикидывайся давай, – я ущипнула его за руку. – Ясно же, куда идти.

– Куда? – упорно прикидывался Жук.

– Куда-куда, туда! – Я указала пальцем в пол, специально так указала, будто мы собираемся идти в подземное царство.

Мы снова замолчали. Дэн захрустел суставами особенно громко, мне даже показалось, что я слышу этот неприятный костяной хруст. А Жук смотрел в ковер, будто бы ему вот прямо сейчас надо было начинать продираться сквозь этот пол, сквозь бетонные плиты, сквозь квартиры, а потом и дальше в подвал, а в подвале сами знаете, чего только быть не может. Все в подвале может быть. От представления этой мрачной картины Жук, видимо, сильно страдал и, чтобы не было так страшно, робко оглядывался по сторонам. Искал поддержки у Дэна и у меня. Самой бы тут найти какой-нибудь поддержки, от этих ведь не дождешься.

– Туда? – прошептал Жук тише, чем обычно, и осторожно кивнул вниз.

– Туда-туда, – подтвердила я. – Вот именно туда, под ковер...

– А какой день завтра, вы помните? – прошептал Жук и сделал большие глаза.

– Какой день? – Дэн хрустнул уже шеей. – День обычный, пятница. В субботу выходной, кстати.

– Не, не пятница, – теперь Жук шептал уже зловеще. – Во-первых, завтра как раз тот день, когда повесился Петрушка! А во-вторых, завтра Хэллоуин! А в третьих-то, сон мне очень плохой приснился, очень...

– Ах ты! – сказала я безо всякой иронии. – Ах как неудачно-то!

И все мы посмотрели на календарь и обнаружили, что и в самом деле завтра как раз Хэллоуин, День Всех Святых. Дэн поморщился, а мне даже показалось, что в комнате стало как-то прохладно. Дэн взглянул на окно, но оно было закрыто. Я стянула с кресла плед и закуталась. Хэллоуин – это плохо. В такие дни всякое случается. По-настоящему случается.

– Мертвецы завтра выходят из могил, – продолжал нас пугать Жук. – И ходят по миру, охотясь на живых. Они выгрызают у них глаза...

– Хватит! – Мне это уже не нравилось. – Никого там в подвале нет!

– А сама говорила, что есть, – ухмыльнулся Дэн. – Сама говорила, что там Петрушка мертвый живет!

– А он там и живет... – Жук страшно зашевелил пальцами. – Об этом все знают...

Бзыньк. Что-то ударило в стекло, и звук прорвался сквозь мою глухую тишину и ужалил мне нервы. Я даже ойкнула, если бы не мальчишки, я бы ойкнула гораздо громче.

Дэн тоже дернулся, а Жук, тот вообще подскочил на диване. И сразу стало тихо, я это почувствовала. Очень тихо, только с кухни, наверное, слышался звон посуды и разговор родителей Дэна.

– Это знак, – сказал Жук. – Знак...

Тогда Дэн потихоньку подошел к окну, отдернул штору и выглянул. Он смотрел долго и все молчал. Я покрепче заворачивалась в плед, а Жук ерзал на диване. Я даже огляделась в поисках чего-нибудь тяжелого и обнаружила в углу под кроватью гантелю Дэна. Так обнаружила, на всякий случай. Дэн все смотрел в темноту.

– Не знак это. – Дэн наконец задернул штору. – Это береза просто. Растет под окном.

– Береза... – протянул Жук. – Ага... Из березы надо делать колья, их в грудь мертвецам забивают...

– Дура я. – Тут я вдруг чуть не расплакалась. – Из-за меня Вовка пропал...

Мне и в самом деле хотелось плакать, я не кривлялась. Дэн сунул руку в карман и протянул мне платок, но у меня был свой, с вышитой розой, перекрещенной с револьвером. Мой любимый платок, я его сама полгода вышивала. Я стала тереть глаза, и они у меня, кажется, покраснели.

– А как вы думаете, почему он пропал? – Жук снова зачесался, но теперь по-настоящему. – Почему не вышел? Потому что его забрал Петрушка. Вот почему.

– Ерунда. – Дэн шагнул по комнате. – Это все ерунда. Там, под школой, целый лабиринт, мы однажды туда ходили. Недалеко, конечно... Там заблудиться легче легкого. Говорят, там раньше убежища строили, на случай столкновения с метеоритом, так там аж до аэродрома подземные ходы идут. Он просто заблудился.

– Заблудился?! – фыркнул Жук. – Ага, заблудился... С овчаркой ведь искали!

– Овчарка! – Дэн презрительно скривился. – Они эту овчарку неделю не кормили, она просто работать не хотела. Надо Дика взять, он все равно ничейный. А нюх у него – ого-го! Я как-то раз ключи от дома потерял, так он их за пять минут нашел. Дик Володьку сразу найдет.

– Классная идея! – одобрила я. – Дик классный.

Дик мне тоже однажды помог. Мой прошлый котенок сбежал, а Дик его тоже нашел. Правда, потом собирался котенка сожрать, еле отбили. Хорошая собака.

– Вы что, на самом деле решили идти? – испугался Жук. – Совсем...

– А ты что, нет, что ли? – Дэн посмотрел на Жука с неодобрением. – Отколоться решил? Забыл, что ли? Если ты плюнешь в коллектив, коллектив утрется, если коллектив плюнет в тебя...

– Нет, – вздохнул Жук. – Чего уж. Я тоже. Если никак нельзя...

Откалываться от Дэна и меня Жуку было нельзя. Я делала за Жука математику, а Дэн писал сочинения. Сам Жук не отличался способностями к учебе. К тому же, кроме меня и Дэна, с Жуком никто не дружил. Из-за того, что Жук был вот такой вот круглый. Дружил еще вот Володька, но Володька теперь пропал. Володьку теперь надо было идти искать в школьный подвал, который тянется аж до самого аэродрома и в котором бродит дух военрука Петрушки, повесившегося ровно год назад как раз на праздник Хэллоуин. Поэтому Жук вздохнул еще раз и подтвердил:

– Ладно. Я с вами тоже.

Дэн выставил вперед кулак с оттопыренным большим пальцем, я придвинула к нему свой кулак, последним присоединился со своим круглым кулаком Жук. Не хватало четвертого кулака – Володькиного. Без четвертого кулака наш знак – тайный знак нашей компании – был неполным.

– А родителям что скажем? – спросила я. – Меня никуда не отпустят... Особенно теперь, после Вовки...

– Никого не отпустят, – сказал Жук. – По-глупому никого не отпустят. Надо по-умному. Скажем, что пойдем в поход.

– В какой поход? – Дэн повертел пальцем у виска. – Конец октября. Снег скоро выпадет.

– На турбазу, – ответил Жук. – Идем в поход на турбазу «Белый Бор». В прошлом году ведь ходили с классом? Ходили. И никто ничего не сказал. И сейчас никто ничего не скажет. Идем, значит, в поход.

– Тогда надо подготовиться. – Дэн достал из стола листок бумаги и карандаш. – Валя, записывай. Что нам понадобится? Жук, диктуй...»

Второй вечер

– Больно хорошо написано, – сказал во второй вечер Корзун. – Ей, этой девчонке, лет сколько?

– Тринадцать стукнуло, – ответил новенький. – Но она умная была. У нее отец был профессор, а сама она в литературный кружок ходила. Ее стихи даже в газетах печатались. А потом вот...

– Ну и дурни они, – сказал Боров. – Поперлись ночью в подвал. Кто же так делает?

– Да уж, – хихикнул Корзун. – Ты ночью даже в туалет один не пойдешь, только с охраной...

– А ты вообще в туалет не ходишь, – огрызнулся Боров. – А еще боксер...

– Нормальная история, – сказал Малина из своего гамака. – Интересная. Могу поспорить, что в конце их убьют.

– Как их убьют-то, если она сама все и рассказывает? – возразил Корзун. – Ее не убьют, а этих убьют. Точняк. Могу тоже поспорить.

Боров хотел было поспорить на три йогурта, но не стал. Может быть, и в самом деле их там всех убьют. А если не убьют, то история не страшная будет. Так что выбора нет. В любой страшной истории кого-нибудь должны убить.

Было уже темно. Вход в палатку был плотно зашнурован и даже завязан узлом, Борову стало смешно – он видел, как Корзун в обед на всякий случай припрятал за тумбочкой тяжелый сосновый сук. Для уверенности.

– А вы хорошо себя чувствуете? – неожиданно спросил новенький.

– Я плохо, – ответил Корзун. – После супа из рыбьих кишков я всегда чувствую себя плохо. Даже отвратительно...

– А я чувствую себя еще хуже, – сказал Малина. – В компании с такими придурками будешь чувствовать себя только плохо.

– Я не о том, – тихо сказал новенький.

– А я о том, – икнул вдруг Малина. – В прошлую смену в лагере со мной жили такие прекрасные люди! Сын директора фабрики сгущенного молока – вот это парень! Он рассказывал, как рабочие на фабрике все время тонут в сгущенке...

– Малина, хватит пургу нести, – сказал Боров. – Пусть новенький рассказывает...

– Ты давай лучше дальше читай. – Корзун стукнул кулаком подушку. – Время-то уже подошло – почти одиннадцать.

Новенький раскрыл черную тетрадь. Боров укрылся одеялом поплотнее и стал слушать.

«В пятницу, 31 октября, в самый канун Хэллоуина, мы вошли в магазин „Супертовары“. Там в вестибюле были такие большие зеркала, и мы в них отразились сразу все трое. Один высокий, худой и белобрысый, другой круглый, похожий на шар. И я. Я как я, среднего роста, в потертом джинсовом комбинезоне. У круглого за спиной болтался длинный, до пояса, рюкзак. У меня в руках – сумочка. У Дэна – пластиковый пакет.

Лица у нас были какие-то уж очень уверенные, что как раз свидетельствовало о том, что мы весьма и весьма напуганы.

Мы постояли у зеркала минуты две, а потом пошли в туристический отдел выбирать амуницию. Мы остановились у витрины со всякими рыболовными и походными товарами, и Жук стал выгребать из карманов мелочь.

– Копилка? – улыбнулся Дэн.

– Не. В носке собирал.

Жук достал последнюю пятерку и демонстративно вывернул карманы.

– А у тебя? – Жук посмотрел на Дэна с алчным интересом.

Дэн сунул руку в карман и достал тоненькую пачку бумажных денег.

– Тут не только мои, – пояснил он. – Тут еще и Валькины. Она на кроссовки копила, а я – на велик. С чего начнем?

На самом деле я копила не на кроссовки, а на чучело птеродактиля, но об этом я не стала говорить, а то эти два типа наверняка стали бы надо мной смеяться.

– С лески начнем, – сказал Жук.

И мы принялись изучать леску. Точнее, изучали леску как раз они, я ничего в лесках не понимала. Жук считал, что нужно брать никак не меньше миллиметровки, Дэн возражал, что и четверки за глаза хватит. Жук говорил, что миллиметровка выдерживает шестнадцать килограмм, Дэн отвечал, что столько им не понадобится. В конце концов они сошлись на шестерке. Жук отправился к кассе и пробил шесть мотков зеленой лески, на такой иногда белье сушат. Дэн аккуратно уложил их в рюкзак.

– Теперь свистки. – Дэн заглянул в составленный накануне список.

– А свистки зачем? – спросил Жук.

Дэн кивнул на меня.

– Чтобы Валя слышала, если мы разойдемся, – пояснил он.

И мы купили три синих тренерских свистка. Жук свистнул в каждый, проверяя их пригодность. Свистки были хорошие, громкие, я их слышала, даже если дуть не в полную мощь. Жук раздал их нам и велел повесить на шею.

– Фонарики, – сказал Жук. – Нужны четыре фонарика.

– Почему не три? – спросила я.

– Один – запасной, – пояснил Жук. – И батареек по два комплекта. А вдруг отсыреют.

Мы купили фонарики и батарейки. И конечно же, Жук проверил каждый фонарик и каждую батарейку. Фонарики были тяжелые и большие, даже в главный карман комбинезона такой влезал с трудом.

– Теперь баллон. – И Жук потащил нас в лакокрасочный отдел.

Баллончик оказалось купить нелегко. Жук долго выбирал и остался недоволен. Он заставил продавщицу показать почти тридцать емкостей, и ни одна его не удовлетворила.

– Молодой человек, – спросила запыхавшаяся продавщица. – Что же вам надо?

– Надо, чтобы краска светилась в темноте.

– Вам флуоресцентную краску?

Слово «флуоресцентная» я сразу не поняла, потом уже прочитала на этикетке.

– Ага. Вот такую как раз. Светящуюся.

Дэн стоял за спиной Жука и держал рюкзак. В хозяйственных вопросах Жук разбирался гораздо лучше, чем мы, отец у Жука был строителем, автомехаником и еще кем-то там и умел практически все. Жук пошел в него. А я, наверное, ни в кого не пошла, потому что толком делать ничего не умела. Хотя мои родители в молодости тоже были строителями.

– А деньги у вас есть, молодые люди? – осведомилась продавщица.

– Вестимо, – ответил Жук с достоинством и кивнул в сторону Дэна.

Он подтвердил нашу платежеспособность. На баллончик со светящейся краской ушла почти половина собранной суммы. Жук завернул его в двойную газету и спрятал в рюкзак.

– Компас теперь, – сверился со списком Дэн. – Вон там.

– Классно бы компас-нож, как у Рэмбо, – начал мечтать Жук. – Чтобы и пила там была, и кошка...

– Вон хороший компас. – Дэн указал на самый дешевенький компас из белой пластмассы.

– Это для девчонок, – презрительно сказал Жук. – Вон классный...

И Жук указал на дорогой компас, с рамкой для определения положения по звездам, с азимутом, противоманнитный и влагонепроницаемый.

– Там звезд не будет, – рассудил Дэн и купил дешевую модель.

Жук скептически промолчал, а я с Дэном была вполне согласна.

Потом они еще купили: охотничьих спичек, непромокаемую планшетку и зачем-то Жук купил еще подводные очки. Зачем, он не стал объяснять.

– Надо бы еще амулетов купить, – заныл неожиданно Жук. – Амулеты нам пригодятся. Я одно место знаю, там по дешевке есть...

– Деньги кончились, – оборвал его Дэн.

После чего мы отправились домой к Дэну, и тут случилась одна забавная штука. Возле самого подъезда с тополя прямо перед нами упала кошка. Она была черная и какая-то ободранная, кажется, даже одноглазая. Жук цыкнул на нее, но она не побежала, а встала напротив нас и принялась шипеть. И еще одну странную деталь я заметила в этой кошке – она шипела и разевала пасть, а пасть у нее была не красная, как у всех кошек, а белесая какая-то. И единственный глаз у нее был тоже с бельмом. Кошка пошипела-пошипела и ушла.

– Черная, – сказал Жук. – Это плохо. Очень плохо. В моем сне...

– Брось, Жучило. – Дэн треснул Жука по плечу. – Не верь приметам, не бойся, я с тобой.

– Плохо все будет. – Жук сплюнул два раза через левое плечо. – Плохо.

– Да она и не черная вовсе, – успокоил его Дэн. – У нее на груди белое пятно в виде звездочки.

– Не врешь? – обнадежился Жук. – Не врешь?

Дэн врал: никакого белого пятна на кошке я не заметила. Мы поднялись в квартиру Дэна. Его мама позвала нас ужинать, но Дэн отказался.

– Ма, ты нам лучше с собой заверни, – сказал он. – Мы же в поход идем.

– Ах да. – Мама достала из холодильника пакет. – Это вам перекусить... Отец звонил, сказал, чтобы ты к понедельнику вернулся, он тебя в стереокино сводит.

– Да мы в субботу уже вернемся, – заверил Дэн. – Туда, на лыжах покатаемся и обратно.

– Ага, – подтвердил Жук. – Покатаемся и все.

– Валю там не обижайте, – сказала мама и улыбнулась мне.

– Ну конечно, мама, – заверил Дэн.

– Я сама кого хочешь обижу, – в ответ улыбнулась я.

– Ладно. – Мать поцеловала Дэна в лоб, пожала руку Жуку и кивнула мне: – Присмотришь там за ними. Ну, идите.

Мы вышли на улицу и отправились к Жуку.

– Я ей сказал, что мы на лыжах будем кататься, а она даже не заметила, – вздохнул Дэн. – Они вообще меня не замечают.

– Меня бы так не замечали, – буркнул Жук.

– Бывает, – сказала я.

Такое и в самом деле бывает.

– Собаку где возьмем? – спросил Жук, когда мы дошли до угла дома. – Где этого Дика ты найдешь?

– Найду, – уверил Дэн. – Легко найду.

Он сунул руку в пакет и достал сосиску. Сосиску он размозжил в пальцах и понюхал.

– Нормально, – сказал. – Учует.

Дэн бросил сосиску на асфальт, сложил ладони рупором и позвал:

– Ди-ик! Ко мне!

И сразу откуда-то выскочил лохматый рыжий пес, в котором при желании можно было угадать некоторые аристократические черты. Эрдельтерьера, в частности. И даже чуточку бедлингтона. Пес подбежал к нам, подобрал с земли сосиску и вопросительно задрал морду.

– Дай ему что-нибудь, – сказал Дэн.

– А у меня ничего нет, – зажался Жук.

– Давай, давай, я знаю, у тебя там хачапури припрятано.

Жук разозлился, но хачапури отдал. Дик заглотил хачапури в один прием и проскулил о добавке.

– Остальное потом, – сказал Дэн. – Пойдешь с нами? Пойдешь, куда ты денешься. У него нюх фантастический.

Дэн достал из кармана веревку и привязал Дика за шею. Я почесала Дика между ушами, он лизнул мне руку. Ну а дружба начинается с улыбки.

– Теперь идем ко мне, – сказал Жук. – У меня тоже кое-что припасено.

Мы отправились к Жуку. Своей комнаты у Жука не было. В единственной большой комнате его квартиры был отделен угол, где и жил Жук. В другой половине жили родители. Сейчас они смотрели телевизор.

– Ма, па, – позвал Жук. – Мы в поход идем. Завтра вечером вернемся.

– Давай, сынок. – Отец не оторвался от экрана. – Завтра вечером?

– Завтра вечером, – подтвердил Жук.

Жук заглянул на кухню и прихватил батон, после чего мы вышли на лестничную площадку.

– А летом я вообще в подвале живу, – сказал Жук. – Там у меня все и приготовлено.

Мы спустились в подвал. Тут и была настоящая комната Жука – железная койка, приемник, плакаты, завалы мусора, милые сердцу. На стене настоящая фашистская каска – у нас тут война была. Жук опустился на колени и достал из-под койки пластиковую бутылку с бензином. Дик поморщил нос.

– Пригодится, – пояснил Жук.

– Зачем? – спросила я.

– Они огня боятся, – подмигнул Жук.

– Кто они? – тоже подмигнул Дэн.

– Мертвецы, – зашептал Жук. – Мертвецы. Их сжечь можно.

Дэн промолчал. Я подумала, что Жук слишком часто смотрел фильмы ужасов.

– И еще.

Жук снова нырнул под койку и извлек длинный предмет, замотанный в масляную дерюгу и перемотанный проволокой.

– Сам сделал, – пояснил Жук и раскрутил проволоку. – По чертежам из журнала «Пионер», между прочим.

Это был самострел. Как я поняла, самострел Жук сделал из ружья для подводной охоты – длинное дюралевое ложе, пистолетная рукоятка и тугие резиновые тяги. К ложу был приспособлен ремень, чтобы носить через плечо, кажется, от школьной сумки. Самострел выглядел достаточно грозно, только вместо трезубца он пулялся короткими стальными штырями – Жук хранил их на поясе в патронташе.

– Пригодится, – сказал Жук. – Там крыс полно.

– Круто, – оценила я оружие.

В третий раз Жук нырнул под койку и выволок объемистый вещевой мешок.

– Что там? – спросил Дэн.

– Вещи разные, – уклончиво ответил Жук. – Потом покажу. Пригодится.

Напоследок Жук снял со стены железную цапку в виде розы ветров.

– Пригодится, – снова сказал Жук.

– Зря ты это. – Дэн указал на цапку. – Такие штуки как раз мертвецов и приманивают.

– Да? – засомневался Жук.

– Ага, – подтвердила я. – Это же языческий знак, а все мертвецы сплошные язычники.

Так что смотри.

Жук вздохнул и повесил розу ветров обратно.

После чего мы отправились к школе. А со своими родителями я договорилась еще раньше. Меня отпустили безо всяких проблем. По пути мы купили в ларьке пятилитровую пластиковую бутылку с водой и заставили ее нести собаку Дика. За это Дик потребовал сосиску. Сожрав сосиску, он захватил бутылку зубами за ручку и легко потащил ее в сторону школы.

К школе мы подошли в половине шестого. Вторая смена как раз заканчивала занятия, на четвертом этаже горел свет, в кабинете истории мелькали тени расходящихся учеников. Кабинет истории подходил больше всего – у Жука по случаю имелся ключ от кабинета истории, его отец в прошлом году выточил ключи для всего четвертого этажа, и Жук спер несколько из природной жадности. Наш план был прост: пробраться на этаж, спрятаться в туалете, подождать, пока историчка уйдет, и залезть в кабинет. В кабинете же дожидаться, покуда школа опустеет, потом спуститься в подвал. Просто. Была, правда, одна загвоздка в виде вахтерши Зули, но Зулю я брала на себя».

Третий вечер

– Что-то не страшно вчера было, – сказал Малина. – Какие-то приготовления все...

– Так надо, балбесина, – объяснил Корзун. – Если сразу мясорубка пойдет, то и неинтересно. Хорошую девчонка книжку сочинила. Я бы даже купил. Я люблю, чтобы всяких приготовлений много было. А то в самый важный момент то одного не хватает, то другого.

В этот вечер шел дождь, Боров завязал покрепче окно, и церковь не было видно. Иногда только с того берега долетали редкие и равномерные удары колокола, Боров знал откуда-то, что это звонят по покойнику. Во всяком случае, ему так казалось.

– А вы ничего не замечаете? – спросил новенький, как и вчера.

– Ничего, – ответил Малина.

– Ничего, – сказал Корзун.

– А что мы должны были заметить? – спросил Малина.

– Погодите. – Корзун вдруг схватился за грудь и засипел. – Погодите-ка! У меня что-то внутри!

И Корзун вывалился из гамака и принялся кататься по полу и изображать конвульсии.

– Держите его! – кричал Корзун. – Оно вылезает! Мама, больно как! Ой, я вижу, это же гомункулюс!

Корзун брякнул ногами последний раз и замер на полу. Малина смеялся.

– Ну и хорошо. – Новенький раскрыл тетрадь и прокашлялся. – Если вы ничего не чувствуете, то я буду читать дальше.

Боров ничего не сказал. Днем он ушиб колено, и сейчас синяк болел, мешая сосредоточиться на рассказе. Новенький продолжил чтение.

«Дэн стукнул фонариком по ноге. Фонарик не загорелся. Дэн стукнул еще раз, посильнее. Стало светло.

– Ну, что, пришли? – злорадно и явно с надеждой, что мы пойдем на попятный, сказал Жук. – Что теперь?

Мы стояли на лестнице, ведущей в подвал, и путь нам преграждала тяжелая железная дверь. На двери красовалась табличка: «Не влезай – убьет» – и соответствующий череп с костями. Почему-то, когда я вижу такой череп, мне всегда хочется «влезать», «стоять под стрелой», «заплывать за буйки» и делать другие запрещенные вещи. Ходить по газонам, собирать грибы, ягоды, выгуливать собак, крупный и мелкий рогатый скот.

– И зачем тут такая дверь? – Я потрогала железо, оно было неожиданно холодное. – Я только в зоопарке такие видела, там за ними слонов держат. Кто за такую дверь полезет?

– Это не чтобы туда не лезли, это чтобы оттуда не вылезали, – объяснил Жук. – «Резидент Эвил» помнишь? Красная Мать закрыла выходы, чтобы мертвецы не вышли наружу... И череп соответствующий...

– Какая еще Красная Мать? – не поняла я.

– Это как Красная Смерть...

Про Красную Смерть я помнила, Красная Смерть – это у Эдгара По, я читала его книжки.

– Дверь здесь для того, чтобы не расхищали цветные металлы, – поставил все на свои места Дэн. – Там трансформаторы и медь. Если бы не дверь, давно бы все бомжи растащили. Так что никаких мертвецов. Все просто. А череп, чтобы такие, как ты, Жук, не лазили. Вовка вчера туда днем пролез, пока еще не закрыли, на ночь дверь закрывают. Посидел он под дверью, посидел, да и пошел гулять по подвалу – и заблудился. Дверь тут для того, чтобы не лазили...

– А я бы и за деньги сюда не полез, – сказал Жук. – Я не спидолог какой-нибудь...

– Спелеолог, – автоматически поправила я. – В пещеры лазают спелеологи.

– Слушайте, – сказал Жук. – А давайте просто пойдем в милицию и объясним еще раз...

– Отец Вовки сказал, если ты, сынок, не придешь к завтрашнему дню сам, я тебе башку оторву, – напомнила я. – И выпорю.

– Колючей проволокой, – добавил Дэн.

Все представили Вовку с оторванной башкой и выпоротого колючей проволокой. Да, такое ему совсем не идет.

– Я считаю, – сказал Дэн, – что Вовка тут недалеко. Мы откроем дверь, углубимся в подвал метров на двести, найдем его и быстро вернемся, еще до двенадцати часов.

– А зачем тогда вы столько припасов набрали? – поинтересовалась я.

– На всякий случай, – уклончиво ответил Дэн. – Лучше как следует подстраховаться. Знаешь стихи: каждый раз навек прощайтесь, когда прощаетесь на миг. Идешь на прогулку на день, припасов бери на неделю. Это закон джунглей.

Дэн поставил рюкзак на пол и посветил фонариком под дверь. Там ничего не было видно, темнота.

– Все в порядке, – сказал Дэн. – Жук, приступай.

Жук достал из своего вещмешка связку ключей, очень похожих на отмычки, и стал ковыряться в замке. Видимо, отец Жука делал ключи и для этой двери.

Ковырелся он недолго, у Жука были большие механические и другие слесарные способности, я уже об этом говорила. Замок дзинькнул, и дверь слегка отошла в сторону, сантиметров на пять. Из подвала сразу же потянуло сквозняком и какой-то затхлостью. И еще холодом. Я вдруг вспомнила про приключения Тома Сойера – там индеец Джо умер как раз возле железной двери, так и не дождавшись, пока за ним кто-то придет. Он там еще летучую мышь умудрился съесть. Я слегка от двери отодвинулась.

Но в щель не вывалилась мертвая Вовкина рука, дохлая летучая мышь тоже не вывалилась – вообще ничего не вывалилось. Дик просунул в щель морду и стал принюхиваться.

– Готово. – Жук спрятал свои отмычки.

– Давай, дальше открывай, – сказал Дэн.

Жук взялся за ручку, потянул. Дверь пронзительно скрипнула, так что даже я услышала, и открылась еще немного.

– Не идет, – выдохнул Жук. – Заклинило.

– Мозги у тебя заклинило, – сказал Дэн.

Он присоединился к Жуку, и они потянули за ручку уже вдвоем. Вдвоем они открыли дверь еще на ширину ладони. Я хотела им помочь, но Дэн сказал, что моя помощь не требуется, что мужики и сами справятся.

Они напрягались у двери еще минуты две, но дверь шире не открылась. Их совместных мужских усилий явно не хватало.

– Как будто тут сто лет никто не ходил... – Жук осмотрел дверные петли. – Как Вовка туда попал-то?

– Я же говорю. – Дэн отряхивал руки. – Он прошел днем, когда открыто было...

– Ладно, – не стал спорить Жук. – Ладно... Тут все равно не пролезть. Давайте возвращаться.

Дэн пожал плечами.

– Что делать будем? – спросила я. – Стоять болтать?

Дэн снова пожал плечами, он думал.

– Что это? – вдруг дернулся Жук.

– Ничего. – Дэн все еще пробовал открыть дверь. – Ветер.

– Это не ветер! – Голос Жука дрожал, это было видно по его лицу. – Я что, ветра, что ли, не знаю?

– Жук, кончай, – сказала я. – И так страшно...

Жук всегда любил такие шутки – расскажет чего-нибудь страшное, а потом как заорет! Чтобы все вздрогнули.

– Ну, вот, теперь шаги! – Жук показал пальцем вверх. – Сами слушайте!

Мы прислушались. Я тоже прислушалась, скорее по инерции, навряд ли я что-нибудь почувствовала бы на таком расстоянии. Сначала было тихо, так тихо, как может быть лишь только в школе ночью, затем что-то стало происходить – я поняла это по лицам мальчишек: у Дэна задергалось под глазом, а у Жука поехала вниз челюсть. Видимо, Жук не обманывал, и там и в самом деле слышались шаги.

– Как детские, – сказал Жук. – Топ-топ-топ... Только смеха не хватает...

И по тому, как снова изменились их лица, я поняла, что они услышали и смех. Смешок.

Дик взъерошил загривок и оскалился. Да и у меня по спине мурашки побежали, крупные такие мурашки, с горошину, наверное. Не понравился мне этот смешок. Когда ты что-то слышишь, то воспринимаешь это как есть, а вот когда не слышишь, можешь навывдумывать целую кучу всяких страхов. Я, например, сразу придумала, что этот смех был сухой, покашливающий такой и немножечко хищный.

– Пойдемте-ка отсюда, а? – сказала я тогда. – Пойдемте...

– Куда?! – На лице Жука был уже не страх – ужас. – Куда? Выход-то через второй этаж! Все! Мы в ловушке!

«Все» сказал Жук слишком громко, по стенам запрыгало эхо, я ощутила его отражение от стен на своей щеке. А затем шаги направились к нам. Мелкими перебежками. Топ-топ-топ. Тишина. Топ-топ-топ. Все это я понимала по физиономиям Жука и Дэна, по их растерянными глазам.

Мне, конечно, было страшно, но я все-таки никак не могла по-настоящему въехать в эту ситуацию – мы стоим на лестнице в подвал, а кто-то мелкими шагами приближается к нам по второму этажу. И еще посмеивается.

– Все! – зашипел Жук. – Идет к нам! Все! Труба!

Дик рванул с поводка, Дэн удержал собаку с трудом, только схватившись другой рукой за дверь. Ситуация начинала осложняться паникой.

– Дэн? – Я посмотрела на него, и он проснулся. Правильно проснулся, пусть сделает что-нибудь. А то болтать только горазд.

– Спокойно, – сказал проснувшийся Дэн. – Вверх идти нельзя. Значит, надо идти вниз. Там обычный подвал, всего-то навсего. Не бойтесь.

Шаги приблизились, об этом мне сигнализировал Жук.

– Надо вниз, – сказал Дэн.

– Какое вниз?! – задыхался Жук. – Тут же дверь!

Дэн присел и просунул в щель рюкзак.

– Туда, – указал он. – Идем туда.

Я посмотрела на дверь. Щель была сантиметров в тридцать. Взрослый человек не пройдет. Но мы-то не взрослые.

– Я тут не пролезу! – сказал Жук. – Ни фи́га не пролезу!

В коридоре снова засмеялись. Звонко, но как-то уже по-крысиному. В этот раз смех почувствовала и я, я уже говорила, я могу слышать смех. Мурашки по моей спине забегали быстрее. Дэн выдохнул из легких воздух и протиснулся в щель.

– Валя, следующая ты, – сказал он уже с той стороны двери. – Жук пусть остается, если хочет.

– Я не хочу! – взвизгнул Жук.

– Пусть Жук лезет, я его подтолкну как раз, – сказала я.

Я оценила размеры щели. Пустяки, пролезу в две секунды.

– Пускай сам пролезает, ты давай скорее...

– А я? – плакал Жук. – Меня бросаете?

Смех был совсем рядом, из пасти Дика закапала слюна.

– Дик! – позвал Дэн. – Ко мне!

Дик нырнул в темноту.

– Тащите меня! – крикнул Жук, кинул в щель свой вещмешок и стал просовываться. – Тащите же!

Дэн схватил Жука за руку, а я принялась толкать его в бок.

– Скорее! – стонал Жук. – Ой!

Голова его не пролезала. Одно ухо плотно прижалось к двери, другое к косяку, уши не пускали Жука. Если бы все не было так страшно, я бы смеялась, честное слово.

– А-а-а! – верещал Жук. – Не пролезаю!

– Уши втяни! – Дэн тянул изо всех сил, уши Жука хрустели, но не сдавались. – Собери уши, я тебе говорю!

– Не могу! – рыдал Жук. – Не могу...

Тогда я придумала.

– Сейчас. – Я достала из своей сумочки тюбик с кокосовым кремом. – Вот!

И я выдавила на одно, а потом на другое жуковское ухо по солидной порции вязкого белого желе.

– Дернули! – Дэн перехватил руку Жука покрепче и потянул так, что щелкнули суставы, правда, я не поняла, чьи.

Уши булькнули кремом и прошли. За ушами протиснулась голова. Жук прошел уже до половины. Оставался живот.

– Вот! Вот она! – неожиданно заверещал Дэн, указывая пальцем на вход на лестницу. – Идет! Идет!

У меня зашевелились волосы.

– У-р! – Жук напрягся, втянул живот и самостоятельно протиснулся в щель. И сразу высунул в нее самострел.

Я оглянулась. Никого.

– Валька!

Дэн протянул руку и втащил меня за дверь. Я зацепилась рубашкой за какую-то проволоку, порвала рукав и оцарапала руку.

– Уходим! – заорал Дэн, и мы рванули по коридору. Сам с фонариком впереди, за ним Жук с самострелом, за ним я. Довольно неприятно знать, что за тобой кто-то гонится. Кто-то с таким крысиным смехом и мелкими шажками.

Дик бежал рядом с Дэном, и шерсть на его загривке не опускалась.

– Стоп! – резко тормознул Дэн. – Дверь! Дверь не закрыли! Он пролезет!

Он сунул мне веревку с Диком, оттолкнул Жука и побежал назад. Мы остались в темноте. По стенам тянуло сквозняком и еще каким-то запахом. Запахом зоопарка, я вспомнила.

По колыхнувшемуся воздуху я поняла, что Жук заорал Дэну что-то вслед, но что, неизвестно. Тогда я взяла свой фонарик, зажгла и направила его Жуку в лицо.

– Ты куда? – орал Жук. – Стой! Потом ведь не откроем!

Дик рычал и пытался вырваться, одной рукой я удерживала его с большим трудом.

– Попали, – сказал Жук. – Аллес капут...

Лязгнуло железо, Дэн закрыл дверь. Сквозняк прекратился.

– Баран. – Жук зажег свой фонарик. – Баран. Теперь мы в ловушке.

Дик дернулся еще несколько раз и успокоился.

Вернулся Дэн. Он быстро дышал и опять хрустел пальцами.

– Еще раз назовешь меня Валькой – зуб выверну! – сказала я ему.

Дэн ничего не сказал.

– Теперь мы в ловушке, – повторил Жук. – Теперь нам отсюда до понедельника не выбраться. Зачем ты дверь закрыл?

– Не бойсь, – сказал Дэн. – Тут есть еще один выход. Я знаю. Правда, далеко.

– Ну, времени у нас теперь много. – Жук плюнул на пол. – По крайней мере до понедельника.

Дэн прислонился к стене и отдыхал.

– Кто? Кто она? Кто там был? – Жук стал заряжать самострел. Пальцы у него тряслись, и стрела то и дело выскакивала из захвата.

– Не знаю, – ответил Дэн. – Я не видел. Может быть, кошка. Черная.

– А что ты орал тогда? – Жук наконец пристроил стрелу. – Когда я застрял, ты заорал: «Вот она!»

Было тихо. Ни шагов, ни смеха. Тишина.

– Орал, чтобы ты пролез побыстрее.

– Придурок. – Жук поставил самострел на предохранитель. – Теперь нам тут два дня загорать. По твоей милости.

– Не ругайтесь, – сказала я. – Пойдемте лучше к рубильнику. Тут далеко?

– Не. Рядом. За углом.

Дэн посветил себе на лицо снизу. Черты неприятно исказились: зубы выдвинулись вперед, уши заострились, а глаза спрятались в черных впадинах.

– Не делай так! – сказал Жук. – Это не к добру.

– Отвали.

– Я тут руку поцарапала. – Я продемонстрировала руку. Между пальцами сочилась кровь, было довольно больно. Так можно и заражение схлопотать. Сепсис, по-научному.

– Я же говорил – это кошак этот чертов! – Жук отодвинулся от меня подальше. – Чертов черный кошак – примета плохая. Видите, все как началось – плохо все началось. И сон мне очень плохой приснился...

– Предлагаешь вернуться? – усмехнулся Дэн.

– У нее кровь идет. – Жук указал пальцем на меня.

– Просто царапина. – Дэн расшнуровал рюкзак, достал аптечку. – Сейчас вылечим.

Он взял пузырек с зеленкой и кусочек ваты. Притянул мою руку, прижег, я скривилась. Не люблю зеленку. Ходишь потом как чесоточная.

– Вот и все. – Дэн приложил к ранке ватку, я прижала ее пальцем.

– Вы что, опять не понимаете? – начал Жук. – Они же кровь за километр чувствуют.

– Кто они? – Дэн посмотрел на Жука злобно. – Мертвецы?

Жук промолчал.

Тогда Дэн набрал в грудь побольше воздуха и что было сил крикнул:

– Мертвецы! Але-е-е!

Я бы не стала так делать.

Я почувствовала, как коридоры наполнились криком. По вибрациям казалось, что одновременно кричат сразу несколько человек, причем с разных сторон. Жук снова выставил перед собой оружие, а недоэрдельтерьер Дик поджал коротко обрубленный хвост.

С потолка посыпалась мелкая белая крошка.

– Ты что делаешь! – Жук даже стукнул Дэна в плечо. – Ты что!

Эхо все еще прыгало по длинным коридорам, поднимало пыль, качало холодные, невидимые пока лампы. Я чувствовала это.

– Никого тут нет, – сказал Дэн. – Кричи не кричи – ничего. А там, в коридоре, просто гиененок.

– Кто? – Я прижимала к ладошке вату, зеленка щипала.

– Гиененок, – повторил Дэн. – Сан Пал же ездил в Египет, к пирамидам. Вот, привез гиененка. Ну, маленькую пятнистую гиену. Она в живом уголке живет.

– Александр Павлович привез гиену? – Я бросила ватку на пол.

– Ага, – кивнул Дэн. – Вот такую маленькую. Смешная. Смешной, вернее. Башка вот такая здоровая, а сам смешной. Мелкий совсем. Поэтому и смех и шаги мелкие. Гиены ведь так смеются. Вот поэтому Дик и испугался – звериный запах просто почуял, просто-напросто. А на ночь его выпускают, гиененка этого, чтобы он школу сторожил. Сторожа-то не очень хотят тут работать.

– Не слышал я ни про какого гиененка, – бурчал Жук, играя самострелом. – Откуда у нас гиененок? Нету тут никакого гигиененка...

– Если бы я не закрыл дверь, он бы нас всех покусал, – сказал Дэн. – А он еще карантина не прошел. По сорок уколов в пузо от бешенства – не слабо?

Дэн закинул рюкзак за плечи и двинулся в темноту первым.

– Теперь буду называть тебя не Жук, – сказал он не оборачиваясь. – Буду называть тебя Ухо.

– А я тебя треплосом, – не остался в долгу Жук.

Мы зашагали по коридору. Жук чуть подотстал и потихоньку, чтобы никто не видел, спрятал ватку с кровью в карман. На всякий случай. Я видела. Все думает, что моя кровь при манит стаи мертвецов.

Мы передвигались в коротком световом пространстве, создаваемом фонариком Дэна. Идти было страшно и интересно тоже. Хотя ничего необычного, в общем-то, вокруг не было – самые простые стены, наполовину выкрашенные зеленой краской, наполовину выбеленные штукатуркой. По штукатурке шли тоже вполне мирные надписи: «Спартак» – чемпион», «3-й район – дураки», «Люблю Колю». Жук читал надписи вслух, но негромко, чтобы, не дай бог, не прослушать шаги за спиной. Самострел он держал наготове. Лишь иногда отпускал, для того, чтобы потрогать искореженные уши. Уши распухли и болели, но ушами Жук готов был пожертвовать. Уши сейчас не главное, наверное, думал он, главное – самострел. Палец лежал на курке. Зря он, вообще-то, эту штуку взял. Пристрелит еще, чего доброго, кого-нибудь из нас. Жук был настороже, и даже лицо у него было настороже. Я пыталась вспомнить, кого мне такое лицо напоминает, и вспомнила Шварценеггера в фильме «Хищник». У Шварценеггера там весь фильм такое лицо. Шварц – любимый актер Жука.

Впрочем, судя по поведению недоэрдельтерьера Дика, никого ни впереди, ни позади не было, Дик шагал спокойно, нюхал стены и иногда задирает по-собачьи лапку. Так что зря Жук делал настороженное лицо.

– Гиененок... – все никак не мог он успокоиться. – Знаю я таких гигиененков, потом только кости остаются...

Я тоже не очень поверила в историю про гиененка, но убеждала себя, что по школьным коридорам и в самом деле бродит маленькая гиена, а не что-то там еще. Так было проще.

– ...И даже костей не остается... – бухтил Жук. – Одни подошвы от ботинок остаются...

Щит вынырнул из темноты большим черным пятном. Он был снабжен всеми атрибутами подобных устройств – проводами, рубильниками, счетчиками и другими дросселями и, конечно же, рисунком – черепом с костями. Жук, видимо, хотел снова сказать про плохую примету, но решил не усугублять ситуацию.

Дэн подошел к рубильнику, встал на цыпочки и с трудом перевалил его в верхнее положение. Проскочила искра, запахло электричеством, и вдоль коридора одна за одной стали загораться желтые лампы.

– Да будет свет, – сказал Дэн.

– Смотрите. – Я указала пальцем в сторону щита.

Под самым нарисованным черепом на стене красовалась намалеванная черным маркером стрелка. Стрелка указывала дальше по коридору. Над ней была аккуратно выведена английская буква «W».

– Это от слова «Wowa», – сказала я.»

Четвертый вечер

– Что это? – испуганно спросил Боров.

Никто ему не ответил.

– Что это? – повторил Боров.

– Будто ты не знаешь, – так же зловеще, как и в первый вечер, сказал Малина.

– Откуда это? – продолжал допрос Боров.

– Бродячая, – сказал Корзун, но и в его голосе не было обычной уверенности. – К столовке пришла.

– А почему она воет? – не успокаивался Боров.

И снова никто ему не ответил. Корзун подождал, послушал и сказал:

– Зараза... Боров, ты же знаешь, почему она воет... Зачем тогда спрашивать?

– Я отсюда в два дня слиняю! – воскликнул Боров. – Завтра же соберу вещички и слиняю... Знаю я эти дела, сначала вой вот такой начинается, а потом...

– Никуда ты не слиняешь, Боров, – вздохнул Корзун. – Пароход придет только через двадцать дней. Так что мы попали.

– Мне читать дальше? – спросил новенький.

Боров хотел сказать, что читать не надо, но собака снова завyla, долго и протяжно, и Боров подумал, что лучше уж слушать рассказ, чем вот так просто лежать и размышлять о всякой ерунде. Остальные, видимо, подумали точно так же.

История – это хорошо, сказал себе Боров. К тому же синяк его сегодня не беспокоил.

«– Володька так всегда подписывался. – Я указала на стрелку. – У него даже на тетради такое было нарисовано.

– Дорисовался. – Жук зачем-то понюхал рисунок. – Художник выискался. К тому же так еще пять тысяч человек подписываются. И даже хуже. Это ни о чем не говорит. Такое любой мог нарисовать.

– Все равно. – Дэн зафиксировал рубильник скобкой. – Все равно идти туда.

– Это его почерк, – сказала я. – Я знаю.

Жук пожал плечами. Дэн погасил фонарик.

– Со светом веселее, – сказал он. – Идем?

– Сейчас. – Жук извлек из своего вещмешка навесной замок и приладил его к щиту, а ключ на капроновом шнурке повесил себе на шею.

– Зачем это? – Я указала на замок.

– Это чтобы свет никто не выключил, – пояснил Дэн. – Кстати, идея неплохая. Молодец, Жук.

– А то, – загордился Жук. – Предусмотрительность – это самое главное. Леску привязывать будем?

– Зачем еще леску? – удивилась я. – Вы что, рыбу ловить тут собрались?

Жук подмигнул Дэну.

– Валя, – спросил тот, – ты про нить Ариадны чего-нибудь слышала?

– Не дура уж, читала.

– Ну вот. – Дэн достал из рюкзака катушку и протянул ее Жуку. – Это на всякий случай.

Для того, чтобы не заблудиться.

Я вспомнила про целую кучу лески, которую мы купили.

– Куда привязывать-то? – Жук стоял с мотком и осматривал окрестности.

– Потом привяжем. Я тут дорожку немного знаю. Чего раньше времени колотиться? Успеем еще.

Жук согласно кивнул.

– А дальше куда идем? – спросила я.

За электрощитом коридор разделялся на три ответвления. Куда дальше мы идем, никто мне не ответил. Я сказала:

– Направо пойдешь – коня потеряешь, налево пойдешь – казну потеряешь, прямо пойдешь – себя потеряешь...

– Это тоже плохая примета, – вздохнул Жук. – С богатырями в таких случаях всегда какая-нибудь гадость случается. И вообще, не надо про это говорить...

Дэн подтянул рюкзак и сказал:

– Все проще, друзья. Направо пойдешь – котельная, налево пойдешь – кладовки, прямо пойдешь – бассейн. Нам надо к бассейну.

Дэн указал пальцем в средний проход.

– Я и говорю, – повторился Жук, – давай леску привяжем. До бассейна тут недалеко. Туда-обратно – всего и делов.

– Леска нам еще пригодится, – заметил Дэн. – А до бассейна тут и в самом деле недалеко, а дорогу я хорошо помню. Так что нам леска пока не нужна.

И Дэн решительно двинулся прямо. Мы с Жуком за ним. Дик бежал рядом, высунув от жары язык.

– Тут пятнадцать лет назад такая же история произошла, мне братан рассказывал, – говорил Жук. – Здесь во время войны тайный город строили, для правительства. Со всякими ловушками, чтобы диверсанты немецкие не могли проникнуть. Потом город строить бросили, а ловушки все остались. Потом школу нашу стали строить прямо на этом месте. А в земле осциллографами всякими полости обнаружили. Братан говорит, что сначала хотели под землю бетон жидкий залить, но на цемзаводе вдруг ни с того ни с сего что-то сломалось. Так и не стали закачивать, некоторые ходы заложили кирпичами, а некоторые просто так бросили. А однажды один строитель случайно нашел подземный ход. Смотрит – в земле дыра. Он туда спустился и не вернулся. Тогда пожарных вызвали. Туда двое спустились и тоже не вернулись. Тогда взяли видеокамеру, привязали к тросу и вниз опустили. А трос вниз и потянуло. Они давай вверх тащить, а сил нет, ну они взяли, не дураки были, и на пожарную машину трос закинули. Потянули. Ну, некоторое время машина боролась, а потом и ее в дыру потянуло...

– Брехня, – махнула рукой я.

– Почему брехня? – возмутился Жук. – Мне братан рассказывал, он мелкий был, но сам все это видел...

– Тогда видеокамер не было, – напомнила я.

На это Жук не нашелся чего возразить. Он помолчал, а потом сказал:

– Все равно. Тут нехорошее место. И до понедельника тут никаких людей не будет. А кто его знает...

Историю про дыру в земле я слышала в программе «Этот загадочный мир». Один в один.

– Знаете, почему Володьку не нашли? – неожиданно сказал Дэн.

– Потому что вообще найти нельзя, – буркнул Жук.

– Потому что не там искали, – возразил Дэн.

– Как это? – спросила я у него из-за спины.

– Просто. Вы поспорили, что Володька проведет ночь там, где повесился Петрушка. Он пошел в подвал на это самое место. Милиция его там и искала. Просто Петрушка повесился в другом месте...

– Он под бассейном повесился, – вставил Жук. – Там такие трубы есть – он на них петлю и накинул. Тоже пятница была. А нашли только в понедельник, он уже почернел весь. Ну, и крысы немного его обглодали. Ноги в основном. А что самое страшное...

– Это просто так говорят, – перебил его Дэн. – На самом деле он повесился дальше, не под бассейном. И никакого города тут подземного не строили, брехня это все. Просто тут подвалов всяких много. Остались с войны, это правда. А потом их еще все соединили, чтобы под землей можно было свободно перемещаться. И столько ходов, что не сосчитать даже. А Петрушка взял и ушел почти в самый конец и там повесился, никто только не знает, почему. Мы туда и пойдем. Дальше. Дальше-дальше. А собака милицейская искала не там, а как раз возле бассейна. Вот и не нашла ничего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.